

Михаил
Ромм

14/11-89

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Без хрестоматийного глянца

Сов. культура, -1989 -14 февр.
-С.6

В сегодняшнем потоке информации ощутима потребность в спокойном, вдумчивом разговоре не «на злобу дня», а с погружением в непреходящее — в духовный мир яркой творческой личности.

Михаил Ромм для многих из нас был такой личностью. Поэтому столь объяснима готовность к встрече с новой книгой М. Зака «Михаил Ромм и его фильмы» (изд. «Искусство»).

Больше всего привлекает в ней человек, искусство которого стало открытием и осмыслением времени, актом гражданской позиции мыслителя и художника. Ромм ведь не только создал выдающиеся фильмы, но и воспитал таких учеников, как А. Тарковский, В. Шукшин, В. Абдрашитов, Н. Михалков, А. Смирнов.

Так сложилось, что почти все крупные кинорежиссеры — авторы классических фильмов, собственных «моделей» кино, добытых в свое время методом проб и ошибок, — пришли в наше сознание будто отлитыми из бронзы: Эйзенштейн, Довженко, Пудовкин, Кармен. На глазах «бронзовел» и Ромм стараниями критики и историков

Книга М. Зака возвращает нам Ромма — реального человека. Мучающегося над проблемами, обретающего друзей и теряющего их, возносящегося к вершинам искусства и отказывающегося от проторенного пути, не раз в своем творчестве ломающего каноны соотношения автор — зритель: от волевого «управления вниманием» к диалогичности киноструктуры и от нее — к авторскому фильму-размышлению. Интерес к личности такого человека определяет самые сильные стороны книги.

Рассказывая о творчестве и судьбе Михаила Ромма, автор выбрал свой ракурс. Прежде всего это правда истории и документа. Из текстов газет, из записок и деловых бесед, хранящихся в ЦГАЛИ, создан основательный документальный фон, в котором сквозь жизнеописание художника проявляются принципы его работы. Несомненными вершинами этого процесса стали фильмы М. Ромма.

Достоинство книги — проникновение в творческую лабораторию М. Ромма. Сохранившиеся материалы, воспоминания, записи личных бесед позволяют восстановить ощущение сложности и ответственности принимаемых ре-

шений, в том числе творческих. Словом, книга о художнике за счет обилия документов и пристальности их исследования приобретает собственную, конфликтную по содержанию, но внутренне единую композицию. Процесс совершенствования мастерства просматривается в «монтажных» сопоставлениях, частых экскурсах в историю кинематографа. Многообразие концепций кино, что было характерно для ранних, поисковых этапов, как бы синтезировано в целостную эстетическую систему. На ней возросло творчество М. Ромма, и он развил ее своими открытиями, оставив нам интеллектуально-философский кинематограф, гармонически сливший достоверность и авторское обобщение.

Трудно, конечно же, на одном дыхании написать (и воспринять) почти триста страниц текста книги. Поэтому в отдельных главах замечаешь и монотонность, и засилье сухой информации. Не раз утрачивается чувство точного адреса собеседника, к которому она обращается. Мозаика ассоциаций не всегда складывается в суждение.

Явно скомкан рассказ о последней картине М. Ромма: существующая монтажная складка отобранного режиссером материала дает простор для более конкретных наблюдений, оценки сделанного в незавершенном «И все-таки я верю...». Поэтому финал явно не уравновешивает кульминационных взлетов исследования, приходящихся на главы, где речь идет о фильмах «Ленин в Октябре», «Мечта», «Девять дней одного года», «Обыкновенный фашизм».

Книги, подобные этой, сегодня необходимы. Пришло время собирать ценности, разбросанные по архивным кладовым. Сквозь хрестоматийный глянец обнаруживать живую мысль, боль и радости реального человека, живое сердце художника.

Л. ЗАЙЦЕВА.

112